

ПЛОХОЕ ВЛИЯНИЕ

Катя Ланская

18+

Катя Ланская

Плохое влияние

«Автор»

2026

Ланская К.

Плохое влияние / К. Ланская — «Автор», 2026

Я умею разговорить любого человека и убедительно делать вид, что всё под контролем. Даже когда меня могут не допустить до сессии, лучшая подруга отказывается исправлять последствия моих решений, а родители поручают самому правильному парню курса спасти мою учёбу. Максим Савельев живёт по расписанию, проверяет каждую цифру и никогда не нарушает правил. Я опаздываю, импровизирую и совершенно не собираюсь становиться его очередным проектом. Но совместное журналистское расследование неожиданно превращает нас в команду. А одна случайная ложь — в пару, которой мы никогда не были. Он должен сделать меня ответственным. Я, кажется, учу его нарушать собственные правила. Вот только чем убедительнее мы притворяемся влюблёнными, тем сложнее понять, кто на кого действительно плохо влияет.

© Ланская К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Человек за кухонным столом	5
Глава 2. Условия сделки	11
Глава 3. Пока только гипотеза	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Катя Ланская

Плохое влияние

Глава 1. Человек за кухонным столом

Лера

Ключ попал в замочную скважину только с четвёртой попытки. Я сразу решила, что виновата лампа над дверью: она мигала, превращая замок то в блестящую металлическую щель, то в чёрную дыру, которой секунду назад не существовало. Потом я обвинила чужую кожаную куртку, длинные рукава которой закрывали пальцы, туфли в левой руке и сумку, всё время сползавшую с плеча. Два коктейля и ядовито-зелёный шот к моей неспособности открыть собственную дверь отношения не имели. Почти.

Я осторожно повернула ключ. Замок щёлкнул так громко, будто решил самостоятельно сообщить всей квартире: Валерия Вольская вернулась — живая, относительно невредимая и снова намного позже, чем обещала. Я замерла, прижавшись лбом к прохладному стеклу двери, и несколько секунд прислушивалась. За ней было тихо, что заметно повышало мои шансы добраться до комнаты незамеченной.

Перед тем как телефон окончательно выключился, на экране светилось без пяти минут два. Папа обычно вставал около шести и считал раннее утро единственным временем суток, когда ему никто не мешает работать. Мама могла до полуночи отвечать клиентам и спасать чью-нибудь репутацию, но даже у её рекламного агентства должны были существовать рабочие часы. Хотя бы теоретически. На выходные я приехала к родителям. Мама собиралась устроить семейный ужин в субботу, но я забежала домой только переодеться, сослалась на срочную встречу с Соней и снова уехала. В воскресенье собиралась вернуться в квартиру рядом с университетом, поэтому оставалось пережить под родительской крышей всего одну ночь. Желательно незаметно.

Я проскользнула в прихожую, закрыла за собой дверь и на секунду поставила туфли на пол. После нескольких часов на каблуках ступни гудели, а мизинец на правой ноге неприятно саднил. Оставить обувь у тумбы было бы проще, но мама по одному взгляду на брошенные туфли умела определить время моего возвращения, количество выпитого и степень раскаяния. Поэтому я подхватила их за тонкие серебристые ремешки и посмотрела на себя в зеркало.

Отражение выглядело так, будто вечер прошёл гораздо интереснее, чем я его помнила. Каштановые волосы длиной до подбородка, обычно уложенные мягкими волнами, растрепались от влажного октябрьского ветра. Тушь немного отпечаталась под глазами, помада почти исчезла, а чёрное платье-комбинация подозрительно перекрутилось под курткой. На ключицах остались серебристые блёстки — вероятно, от незнакомой девушки в клубном туалете, которая обняла меня и сказала, что я прекрасна. Я не знала её имени, но она была права.

Глаза всё ещё оставались зелёными, а не красными, и это уже можно было считать победой. Я сняла крупную серьгу-кольцо и поморщилась: мочка уха зудела и заметно покраснела. Купить украшения у девушки возле гардероба оказалось плохой идеей. В клубном полумраке они выглядели почти дизайнерскими, но мою кожу убедить не удалось. Дешёвый металл она распознала раньше меня и теперь мстила.

Я сунула серьгу в сумку, поправила чужую куртку и двинулась по коридору. До моей комнаты было пятнадцать шагов; маршрут я знала наизусть и могла пройти его в полной темноте, не задев ни узкую консоль у стены, ни кресло возле гостиной. Обычно могла. На пятом шаге под ногой хрустнул рекламный буклет, а на седьмом металлическая пряжка сумки ударила о стену. Я остановилась и зажмурилась, словно звук мог исчезнуть, если я его не вижу.

Из кухни донёлся негромкий звон чашки о блюдо. Я медленно открыла глаза и увидела под дверью полосу тёплого света. Первой мыслью было тихо выйти обратно и сделать вид, что я вообще не возвращалась. Можно было подняться этажом выше к соседке или вызвать такси до Сони, хотя после нашего последнего разговора она скорее оставила бы меня ночевать на коврике. Поэтому пришлось выбрать второй вариант: войти на кухню с видом взрослого человека, который совершенно осознанно вернулся домой в два часа ночи в чужой мужской куртке.

Я провела пальцами под глазами, расправила плечи и вошла.

За столом сидели трое. Мама устроилась ближе к окну, обхватив ладонями чашку. Её светлые волосы были собраны в небрежный пучок, поверх домашней футболки она набросила бежевый кашемировый кардиган. Рядом лежал телефон, экран которого то и дело вспыхивал от новых сообщений. Даже ночью клиенты продолжали попадать в скандалы, срывать рекламные кампании и надеяться, что Марина Вольская всё исправит.

Папа сидел напротив. Рукава белой рубашки были закатаны до локтей, верхняя пуговица расстёгнута, а перед ним стоял закрытый ноутбук с логотипом его строительной компании. Папа руководил несколькими стройками сразу и обычно закрывал ноутбук только тогда, когда собирался говорить о чём-то действительно серьёзном.

Между родителями сидел Максим Савельев.

Несколько секунд я смотрела на него, пытаюсь понять, не ошиблась ли квартирой. Максим выглядел так, будто находился не на чужой кухне посреди ночи, а пришёл на консультацию к преподавателю: тёмно-синяя рубашка, серые брюки, аккуратно закатанные рукава. Светло-русые волосы немного растрепались у лба, но даже это выглядело слишком прилично. Перед ним лежали блокнот, ручка и стопка распечатанных листов. На соседнем стуле стояла его сумка, из-под клапана которой выглядывал потёртый ремешок, похожий на ремень старого фотоаппарата.

Максим поднял глаза. Голубые, ясные и совершенно трезвые. Сначала он посмотрел мне в лицо, затем на туфли в руке, после чего задержал взгляд на кожаной куртке. Всего на секунду, но её хватило, чтобы мне стало неудобно.

— Доброй ночи, — сказал он так спокойно, будто просто дождался опоздавшего участника заранее назначенной встречи.

Я прислонилась плечом к дверному косяку. Не для равновесия. Просто мне так нравилось.

— Тебе тоже.

Максим неторопливо посмотрел на часы, и это движение почему-то показалось почти оскорбительным.

— Уже утро.

— Тогда оно перестаёт быть добрым, — отозвалась я, стараясь улыбнуться так, будто совершенно не задавалась вопросом, какого чёрта Савельев делает в моём доме.

Уголок его рта едва заметно дрогнул. Не улыбка — скорее, он проглотил замечание, которое мне бы не понравилось. Мама поставила чашку на блюдо, и тихий стук в наступившем молчании прозвучал почти как удар судейского молотка.

— Валерия, проходи, пожалуйста.

Полное имя окончательно подтвердило серьёзность положения. Если бы я вернулась домой с похищенным дорожным знаком и живым пони, мама, скорее всего, начала бы с «Лерочка». «Валерия» означало, что обвинение подготовлено, свидетели присутствуют, а адвоката мне не предоставят. Я прошла к столу, но садиться не стала. Свободный стул находился напротив Максима и выглядел слишком похоже на место для главного подозреваемого.

— Вы могли предупредить, что у нас гости, — сказала я, переводя взгляд с матери на Савельева. — Я бы выбрала другой наряд.

Мама посмотрела на короткое чёрное платье, босые ноги и чужую куртку. На секунду её губы сжались, но от комментария она удержалась.

— Мы звонили тебе.

Я достала телефон и показала погасший экран, словно это полностью снимало с меня ответственность.

— Технические трудности.

— А до того, как он выключился? — спросил папа.

Удобного ответа у меня не было, поэтому я выбрала человека, на которого можно было переключить внимание.

— Часто проводишь ночи с моими родителями? — спросила я, поворачиваясь к нему.

Мама тут же подняла чашку к губам, хотя чай наверняка давно остыл.

— Впервые, — ответил Максим. Он держался удивительно уверенно для человека, которого застали на тайном семейном совете.

— И как впечатления?

Вместо ответа Максим посмотрел на чашку перед собой. На блюде лежала использованная долька лимона, а значит, сидел он здесь достаточно долго, чтобы мама успела предложить добавку. Эта мысль разозлила меня сильнее, чем должна была.

— У твоей мамы хороший чай.

— Зря она достала хороший. Ты ненадолго.

Я произнесла это почти дружелюбно, но Максим услышал угрозу. Его пальцы замерли на ручке, прежде чем он аккуратно положил её параллельно краю блокнота.

— Лера, — предупредила мама.

— Что? Я поддерживаю беседу. Не стоять же нам всем и молча смотреть друг на друга. Максим чуть повернул голову.

— Ты одна стоишь.

Я медленно перевела на него взгляд.

— Спасибо, Савельев. Без тебя я бы не разобралась.

Он ничего не ответил, только поправил блокнот, возвращая его точно в центр стола. Мне сразу захотелось сдвинуть его обратно. Я знала Максима почти два года, хотя наше знакомство сложно было назвать близким. На первом курсе он сидел через два ряда от меня и записывал лекции таким ровным почерком, что одноклассники фотографировали его конспекты перед зачётами. На втором мы впервые оказались рядом на тесте по фактчекингу. Я опоздала почти на полчаса, села на свободное место возле него и попросила показать ответы.

Максим накрыл лист ладонью.

— Хотя бы имя напиши самостоятельно.

Через месяц я пролила кофе на его записи. Он долго смотрел, как чернила расплываются по странице, а потом поднял на меня глаза.

— Ты всегда оставляешь после себя разрушения или сегодня особенный случай?

В последний раз мы работали вместе в студенческой редакции. Я раздобыла интервью, которого никто не мог получить больше недели, но перепутала должность героя и не проверила цифры. Максим нашёл ошибки, подтвердил данные и отказался выпускать материал, пока я не позвоню спикеру ещё раз.

С тех пор мы придерживались негласного соглашения: я не замечала Максима, а Максим старался не осуждать меня вслух. Сегодня оба нарушили условия.

— Садись, — произнёс папа.

Он не повысил голос, но посмотрел на свободный стул так, что продолжать сопротивление означало устроить настоящий скандал. Я опустилась напротив Максима и оставила куртку на плечах. Тяжёлая кожа хотя бы немного напоминала защиту.

Только теперь я рассмотрела бумаги на столе. На верхнем листе было распечатано расписание нашего курса; несколько предметов обведены синим, рядом стояли даты, фамилии преподавателей и короткие пометки. На следующем листе крупно значилось: «Валерия Вольская».

Я вытянула бумагу из-под руки Максима. *«Медиаправо — задолженность»*. *«Техника интервью — практическая работа не сдана»*. *«Журналистское расследование — четыре пропуска»*. *«История зарубежной журналистики — пересдача»*.

Напротив каждого пункта уже были записаны сроки. Я перечитала список дважды. Сонливость исчезла, зато появилось очень ясное желание выгнать Савельева из дома вместе с его распечатками.

— Вы обсуждали мою учёбу без меня? — спросила я, подняв лист повыше, словно родители могли не заметить собственного участия в заговоре.

Мама сильнее обхватила чашку.

— Мы пытались обсудить её с тобой. Несколько раз.

— И поэтому пригласили моего однокурсника?

Папа убрал ладони с ноутбука и откинулся на спинку стула.

— Нам позвонили из деканата. После следующего пропуска тебя могут не допустить до сессии. Ты не отвечаешь ни нам, ни куратору.

Я положила бумагу обратно на стол, стараясь не показать, что последняя часть задела сильнее первой.

— Меня не отчисляют. Просто накопилось несколько заданий.

Максим пробежал взглядом по списку. — Четыре предмета. — Я умею считать. — Тогда странно, что слово «несколько» ты используешь так свободно, — заметил он и провёл кончиком ручки вдоль четырёх строк.

Максим не улыбался и явно не пытался меня задеть. Просто исправил неточность тем же тоном, каким обычно правил чужие тексты. От этого замечание раздражало ещё сильнее.

— Тебя никто не спрашивал, Савельев.

Он чуть откинулся на спинку стула. Голубые глаза за стёклами очков оставались спокойными, но пальцы сжали ручку крепче.

— Ты спросила, почему меня пригласили.

— И до сих пор не получила нормального ответа.

Мама вмешалась прежде, чем он успел продолжить. Она поставила чашку на стол и повернулась ко мне всем корпусом, словно заранее приготовилась выдержать мою реакцию.

— Максим поможет тебе закрыть долги и подготовить проект.

Я несколько секунд ждала продолжения. Например: «Это была шутка». Или: «Мы уже поняли, насколько ужасно всё это звучит». Но родители молчали. Максим тоже не спешил объяснять происходящее, и свет от подвесной лампы отражался в его очках, мешая понять, о чём он думает.

— Поможет как?

— Вы будете заниматься вместе, — осторожно сказала мама. — Он знает требования преподавателей и согласился составить план.

Я положила ладонь на стопку распечаток и медленно придвинула её к себе.

— Он уже его составил. Ещё до того, как я узнала, что нуждаюсь в спасении.

— Ты нуждаешься не в спасении, а в дисциплине, — сказал папа. Он говорил без злости, почти деловым тоном, и это раздражало сильнее крика.

— Мне двадцать лет, пап!

Папа посмотрел на меня устало.

— Именно поэтому мы удивляемся, что приходится это обсуждать.

Фраза прозвучала негромко, но ударила точно. Я опустила взгляд на тонкую трещину в столешнице, чтобы никто не заметил, насколько мне не понравился этот ответ.

Родители редко меня контролировали. Они много работали, часто уезжали, поздно возвращались и привыкли доверять дочери. Или предпочитали считать, что доверяют, пока деньги вовремя появлялись на карте, а я отвечала на все вопросы привычным «всё нормально». Ещё на первом курсе они сняли мне квартиру рядом с университетом, чтобы мне не приходилось тратить время на дорогу. Когда я сказала, что хочу заниматься журналистикой, папа не стал предлагать более надёжную профессию, а мама нашла лучшие подготовительные курсы.

От меня требовалось только учиться, и до сегодняшней ночи мне казалось, что с этой частью я худо-бедно справляюсь.

Я подняла голову и посмотрела на Максима. Он выдержал мой взгляд так спокойно, будто уже знал, что я спрошу.

— Почему именно он?

Мама слегка нахмурилась.

— Ты же знаешь Елену Сергеевну.

Конечно, я знала его бабушку. Елена Сергеевна Савельева раньше работала редактором и была первым наставником мамы, когда та только начинала карьеру. Она приходила к нам в гости, приносила книги и разговаривала со мной как со взрослой даже тогда, когда мне было девять. Где-то в глубине шкафа до сих пор лежала подаренная ею тетрадь, на обложке которой я нарисовала колонны, лавровые ветви и богов Олимпа. В детстве я могла часами пересказывать мифы любому, кто не успевал вовремя уйти.

Максима я тоже видела в те годы, хотя почти не помнила. Тихий светловолосый мальчик сидел в кресле с книгой и редко вмешивался в разговоры. Теперь этот мальчик составлял описание моих пересдач.

— Мама позвонила бабушке, — объяснил Максим. — Она попросила меня хотя бы выслушать предложение.

Его голос стал суше. Похоже, обсуждать семейные связи ему нравилось не больше, чем мне. Я скрестила руки на груди. Куртка съехала с одного плеча, но поправлять её не стала.

— Значит, ты здесь из семейной солидарности?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро. Я всмотрелась в его лицо, пытаясь поймать хотя бы лёгкое смущение. Максим выдержал мой взгляд, затем всё-таки снял очки и достал из кармана мягкую салфетку. Без оправы он выглядел моложе и не таким неприступным. Светлые ресницы, небольшая складка между бровями, усталость, которую раньше скрывали стёкла.

Этот жест я уже видела. Максим снимал очки перед выступлениями и во время разговоров, в которых хотел сначала всё обдумать, а уже потом говорить.

— Тогда почему? — повторила я, наблюдая, как он медленно протирает одно стекло.

Максим закончил с очками, вернул их на место и поправил дужку.

— Потому что мне тоже предложили условия.

Папа развернул ко мне ещё один лист. На нём был логотип интернет-издания «Город», и я сразу его узнала. На летнюю стажировку туда каждый год подавались десятки студентов. Стажёров не заставляли носить кофе и переписывать пресс-релизы: они ездили на съёмки, работали с редакторами, участвовали в расследованиях и иногда получали шанс остаться.

Максим мечтал попасть в «Город». Об этом знали почти все на курсе, хотя сам он почти не говорил о своих планах.

— Максим прошёл предварительный отбор, — сказал папа. Он положил ладонь рядом с логотипом, словно хотел подчеркнуть: место Савельев получил сам. — Стажировка неоплачиваемая и длится десять недель в другом городе. Нужны деньги на жильё, дорогу и оборудование. Мы покроем расходы, если он поможет тебе закрыть семестр.

Я посмотрела на Максима и наконец поняла, почему он согласился. Он заслужил это место самостоятельно, но не мог позволить себе им воспользоваться. Савельев жил с бабуш-

кой, подрабатывал корректором по вечерам и никогда не участвовал в поездках, требовавших дополнительных расходов. Родители не покупали ему карьеру — они только давали возможность получить то, чего он уже добился.

Наверное, именно поэтому следующие слова оказались особенно мерзкими. Но я уже чувствовала, что теряю контроль, а в такие моменты всегда была туда, где больнее.

— То есть ты продался.

Глава 2. Условия сделки

Лера

После моих слов стало так тихо, что я услышала гудение холодильника и дождь, мелко стучавший по оконному отливу. Мама подняла на меня глаза, папа едва заметно нахмурился, но никто не вмешался. Все ждали ответа Максима.

Он тоже смотрел на меня. Голубые глаза за стёклами очков стали холоднее, однако ни голос, ни лицо его не выдали. Максим взял с колена салфетку, которой минуту назад протирал очки, и аккуратно сложил пополам. Потом ещё раз, тщательно совмещая края, словно от этого зависело, скажет он сейчас что-нибудь лишнее или нет.

— Я согласился выполнить работу за оплату необходимых расходов, — наконец произнёс он.

— Работу со мной? — Я коснулась пальцами груди, изображая удивление. — Какая честь.

Максим положил сложенную салфетку рядом с блокнотом.

— Именно с тобой.

— Звучит унижительно.

— Для нас обоих.

Мама тихо произнесла его имя, но он не отвёл от меня взгляда. Я поняла, что попала туда, куда целилась. Не настолько сильно, чтобы Савельев позволил увидеть настоящую обиду, но достаточно, чтобы на секунду вернуть себе ощущение, будто разговор всё ещё идёт по моим правилам. Ощущение продержалось недолго.

Я ничего не знала о том, почему Максим жил с бабушкой, где находились его родители и насколько давно он подрабатывал по вечерам. Удовлетворения это почему-то не принесло.

Я поставила туфли возле ножки стула и повернулась к родителям.

— А если я откажусь?

Мама опустила глаза в чашку. Папа провёл большим пальцем по краю ноутбука, и по этому движению я поняла, что ответ не нравится ему не меньше, чем мне.

— Тогда со следующего месяца ты сама оплачиваешь квартиру.

Я усмехнулась, хотя желудок неприятно свело.

— Хорошо.

Папа помолчал, давая мне возможность передумать раньше, чем добавит главное.

— И обучение.

Улыбка осталась на моём лице, но губы вдруг перестали её чувствовать. Я могла встать, заявить, что прекрасно справлюсь сама, хлопнуть дверью и провести остаток ночи в гордом одиночестве. В другой компании это даже выглядело бы эффектно.

Только на моей карте оставалось чуть больше четырёх тысяч рублей. Работа в студенческой редакции приносила бесплатный кофе, еду на мероприятиях и редкие гонорары, которых хватало на один хороший вечер. Я не знала, сколько стоит месяц аренды моей квартиры, потому что эту сумму всегда переводил отец. Не знала точной стоимости семестра и ещё вчера считала неспособность планировать дальше пятницы частью собственного обаяния.

Теперь беспечность выглядела значительно менее фотогенично.

— Вы не можете всерьёз ставить мне такие условия, — сказала я и сразу услышала, как по-детски это прозвучало.

Папа тоже слышал. Он устало потёр переносицу, прежде чем ответить:

— Можем. До сегодняшнего дня мы давали тебе полную свободу и надеялись, что ты сама понимаешь, где заканчивается свобода и начинается ответственность.

— Договорились, — добавила мама. Она говорила мягче, но не попыталась отменить его слова. — Мы оплачиваем твою жизнь и учёбу, пока ты действительно учишься. Сейчас ты рискуешь даже не дойти до сессии.

— Я всё закрою.

— Когда? — спросил папа. — Ты говоришь это уже второй месяц.

Я хотела возразить, но не смогла вспомнить ни одного довода, который не начинался бы со слов «я собиралась». Собиралась поговорить с преподавателями. Собиралась пересдать медиаправо. Собиралась закончить проект с Соней. Собиралась хотя бы раз открыть сообщения от куратора не через три дня.

Максим отвёл глаза, будто почувствовал, что присутствует при разговоре, в котором ему не полагалось участвовать. Он принялся выравнивать угол верхнего листа, не изображая ни сочувствия, ни неловкости. Просто дал мне несколько секунд, в течение которых никто не смотрел прямо в лицо.

— Вы могли поговорить со мной без него, — произнесла я тише.

Мама болезненно улыбнулась.

— Мы пытались, Лер.

В её голосе не было упрёка, и от этого стало хуже. Я вспомнила воскресные завтраки, на которые обещала приехать, а потом просыпалась ближе к обеду. Разговоры с папой, во время которых одновременно красилась и отвечала на сообщения. Родители действительно много работали и часто оказывались заняты, но в последние недели именно я всё время находила дела повеселее.

Я посмотрела в окно. В стекле отражалось моё лицо: потёкшая тушь, растрёпанные волосы, серебристые блёстки на ключицах и полуулыбка, которую я продолжала удерживать по привычке. Я всегда умела выглядеть так, будто прекрасно провожу время. Даже когда мероприятие давно переставало мне нравиться.

— Хорошо, — сказала я, возвращаясь взглядом к столу

— Допустим, я согласна участвовать в вашем эксперименте. Как выглядит программа перевоспитания? Наручники выдаются сразу или после первой попытки побега?

— Это не перевоспитание, — возразил папа, хотя жёсткости в его голосе уже не было.

— Конечно. Просто финансовый шантаж с привлечением третьего лица.

Максим открыл блокнот и развернул его ко мне. На странице было расписано шесть ближайших дней:

«Воскресенье, 10:00 — библиотека. Выбор темы и план для Веры Андреевны». «Понедельник — консультация по медиаправу». «Вторник — закрыть пропущенное задание». «Среда — работа над проектом». «Четверг — пересдача». «Пятница — промежуточная проверка».

Я провела пальцем по строчкам. Почерк был ровный, но не печатный; буквы слегка наклонялись вправо, а важные слова Максим подчёркивал одной линией. Ни цветных маркеров, ни восклицательных знаков, ни нарисованных на полях гробиков, которыми Соня обычно отмечала сроки, пережившие моё внимание.

— А здесь предусмотрено время на сон?

Максим проследил взглядом за моим пальцем.

— Ночью.

— Очень прогрессивный подход.

— Я старался.

Уголок его рта чуть приподнялся и сразу вернулся на место. Савельев умел улыбаться. Просто, видимо, считал это необязательной функцией.

Я сняла куртку с одного плеча и откинулась на спинку стула. Чёрное платье на тонких бретелях открывало ключицы и часть спины. В обычной ситуации я не задумывалась, кто и

куда смотрит. Я привыкла к вниманию, умела его замечать и при необходимости перетягивать на себя.

С Максимом привычный способ не работал, а значит, автоматически превращался в задачу.

Я наклонилась вперёд, опершись локтями о стол. Волнистая прядь упала на щёку; я медленно убрала её за ухо и позволила голосу стать мягче.

— Значит, мы будем проводить много времени вместе?

Максим посмотрел мне в лицо. Не ниже, не на съехавшую куртку и даже не на покрасневшую мочку уха, с которой я сняла серьгу. Только в глаза.

— Судя по расписанию.

— И тебя это совершенно не пугает?

Я ожидала хотя бы короткой заминки — подтверждения, что он понял игру и всё-таки на неё отреагировал. Вместо этого Максим слегка склонил голову.

— Пугает.

Прямота сбила меня сильнее, чем смущение.

— Тогда зачем ты согласился? И сейчас я не про деньги.

Максим перевёл взгляд на блокнот, будто вопрос требовал не смущения, а точной формулировки.

— Потому что ты умеешь разговаривать с людьми. В прошлом месяце ты за десять минут получила интервью, за которым редакция охотилась неделю.

— Это сейчас был комплимент?

— Первая половина — да.

— А вторая?

— Потом ты перепутала должность героя и три цифры.

Я медленно вернула куртку на плечо.

— То есть я разговариваю, а ты не даёшь нам опозориться?

— Примерно.

— Удивительно, что за такое партнёрство ещё не берут деньги с меня.

— Берут. Просто не у тебя.

Папа прикрыл рот ладонью, скрывая то ли кашель, то ли смех. Я посмотрела на Максима внимательнее. Он не заигрывал и не пытался поставить меня на место. Просто отвечал тем же ровным голосом, каким минуту назад перечислял задолженности.

Это раздражало больше, чем если бы он смутился.

Я снова подалась вперёд.

— Ты всегда такой разговорчивый на кухнях чужих родителей?

— Ты всегда так заметно меняешь тему?

— Я не меняю тему.

Максим перевёл взгляд на мою руку, лежавшую рядом с его блокнотом, затем снова на лицо.

— До этого ты сидела примерно на двадцать сантиметров дальше и говорила обычным голосом.

— Может, мне стало удобнее.

— Тогда не буду мешать.

Он подвинул блокнот ближе ко мне, окончательно возвращая между нами расписание.

Я чуть не рассмеялась. Похоже, Савельев замечал мои приёмы и намеренно делал вид, что они на него не действуют. Это ещё ничего не доказывало. У некоторых людей просто особенно развит талант портить другим удовольствие.

— В десять утра в воскресенье я не существую.

— Сегодня придётся сделать исключение. План проекта нужно отправить Вере Андреевне до шести вечера.

Я нахмурилась.

— Какого проекта?

Ручка замерла в его пальцах. Мама поправила край кардигана, папа посмотрел на закрытый ноутбук, а Максим задержал на мне взгляд, будто пытался понять, действительно ли я ничего не знаю или снова увожу разговор в сторону.

— Нашего совместного журналистского расследования.

— У меня проект с Соней.

На кухне снова стало тихо. На этот раз тишина была другой — осторожной, заранее извиняющейся за то, что мне сейчас сообщат.

Максим положил ручку.

— Уже нет.

Я не сразу поняла смысл его слов.

— Что значит «нет»?

— Соня попросила перевести её в другую пару. Вера Андреевна согласилась.

Перед глазами всплыл сегодняшний вечер, хотя правильнее было бы сказать вчерашний. Мы должны были встретиться в студенческой редакции и закончить расшифровку интервью. Соня ждала меня два часа. Я обещала вернуться сначала через двадцать минут, потом через час, а затем отправила голосовое из бара, где музыка заглушала половину слов.

Она ответила одной фразой:

«Найди другого человека, который будет всё за тебя доделывать».

Я решила, что утром мы помиримся. Мы всегда мирились.

— Она просто психанула, — сказала я. — Утром всё пройдёт.

Даже мне это не показалось убедительным.

Максим ничего не ответил. Он лишь посмотрел на меня, и именно его молчание убедило: не пройдёт.

Соня была не просто напарницей, на которую можно было скинуть монтаж. Два года она прикрывала мои пропуски, приносила кофе, исправляла ошибки в титрах и терпеливо ждала, пока я вернусь с очередного свидания. Когда я расставалась с первым серьёзным парнем, Соня приехала среди ночи с двумя контейнерами лапши и ни разу не сказала, что предупреждала. Когда она провалила важный кастинг в университетскую студию, я увела её танцевать и заставила смеяться до утра.

Мне почему-то не приходило в голову, что однажды её терпение закончится раньше музыки.

Я поднялась слишком резко. Стул скрипнул по полу, задел оставленные рядом туфли, и они ударились друг о друга.

— Прекрасно. Делайте проект без меня. У вас отличная команда.

Папа приподнялся со стула.

— Лера...

Я вскинула ладонь, не позволяя ему продолжить.

— Нет, правда. Максим уже изучил моё расписание, собрал все сроки и составил план моей жизни до сессии. Я ему совершенно не нужна.

Я потянулась за сумкой, но пальцы дрогнули, и ремешок соскользнул. Пришлось быстро перехватить его, надеясь, что никто не заметил.

Максим заметил. Он вообще замечал слишком многое.

Но вместо очередной точной и неприятной реплики поднялся из-за стола. Оказавшись рядом, Савельев снова был выше, чем я помнила. Не громоздким и не пугающим — про-

сто высоким, прямым и слишком собранным для человека, которого вытащили ночью спасать чужой семестр.

— Ты нужна проекту, — сказал он.

Я вскинула голову.

— Какая честь.

Максим нахмурился.

— Я не умею работать с людьми так, как ты. Ты быстро понимаешь, когда человек готов рассказать больше, чем собирался. Без тебя я получу правильные документы и плохое интервью.

Я смотрела на него, а привычная насмешка почему-то не складывалась в слова. Максим никогда меня не хвалил. По крайней мере, так прямо.

— А со мной получишь хорошее интервью и неправильные цифры.

— Поэтому тебе нужен я.

Он произнёс это так спокойно, будто сообщал очевидный факт, с которым бессмысленно спорить.

— Самоуверенно.

Максим едва заметно пожал плечом.

— Объективно.

— Значит, я разговариваю с людьми, а ты проверяешь, не наврала ли я?

— Ты обычно не врешь. Ты просто не проверяешь факты.

— Какая принципиальная разница.

— Для журналистики — заметная.

Я посмотрела на первую строку расписания. *Десять утра. Библиотека.*

Родители не отступят. Соня действительно отказалась от проекта. До сессии оставалось слишком мало времени, а у меня не было ни денег, ни плана, ни другого напарника. Но покорно принять условия при Максиме я всё равно не могла.

— В десять я не приду.

Он поднял брови.

— Придешь.

— Ты слишком уверен в себе для человека, которого наняли следить за мной.

Линия его челюсти напряглась. Максим медленно закрыл блокнот и только после этого посмотрел мне в глаза.

— А ты слишком много сил тратишь на человека, которого считаешь бесполезным.

Я открыла рот, но тут же закрыла. Савельев снова повернул разговор так, что любое возражение прозвучало бы подтверждением его слов.

— Не льсти себе.

Я потянулась за чашкой, в которой давно ничего не осталось.

Максим начал собирать бумаги. Каждый лист лёг в папку ровно, без единого загнутого угла. Он убрал ручку, взял пальто со спинки стула и вырвал из блокнота страницу с расписанием.

— Это тебе.

— А если я её потеряю?

— Я отправлю фотографию.

— А если заблокирую твой номер?

— У твоих родителей он есть.

Я прижала лист к груди.

— Очень романтично.

— Это расписание.

— У тебя совсем нет воображения.

— Оно понадобится сегодня для темы проекта.

Он потянулся за сумкой. Возле его ладони на секунду показался потёртый металлический корпус старого фотоаппарата, но сразу исчез под клапаном. Я успела отметить, что вещь выглядела старше нас обоих, и решила спросить потом. Или никогда. В зависимости от того, насколько скучной окажется библиотека.

Максим надел пальто. Куртка снова соскользнула с моего плеча, вывернув наружу край чёрной подкладки. Его взгляд на секунду задержался на внутреннем кармане.

— Кажется, теперь ты хотя бы знаешь, как его зовут.

— Это ещё почему?

— На подкладке вышито имя.

Я машинально развернула край куртки. Серебристыми нитками на подкладке действительно было выведено одно слово: «*Кирилл*».

— Ты всё-таки изучал мою куртку?

— Нет. Ты всё это время сидела в ней напротив меня.

— Романтика умерла, не успев родиться.

— В десять, Вольская.

— Можешь ждать до вечера.

— Я возьму книгу, — ответил он, и впервые за весь разговор в его голосе отчётливо прозвучала насмешка.

Максим попрощался с родителями и направился в прихожую. Мама пошла проводить его, хотя он дважды сказал, что не стоит. Я осталась возле стола, держа расписание в одной руке и край чужой куртки с вышитым именем в другой.

Папа посмотрел на меня устало, но уже без прежней строгости.

— Мы не хотим тебя контролировать.

— Очень убедительный способ это показать.

Он опустил глаза, и его плечи слегка поникли. На несколько секунд папа перестал выглядеть человеком, у которого на любую проблему есть готовое решение.

— Мы испугались.

Слова прозвучали настолько просто, что я не сразу нашла ответ. Папа редко говорил о страхе. Он договаривался, находил специалистов, переводил деньги и устранял последствия. Мама составляла списки, звонила нужным людям и всегда знала, что делать дальше. Теперь они смотрели на собственную дочь и не понимали, как ей помочь.

— Я не преступница, — пробормотала я, отворачиваясь к окну. — Просто пропустила несколько пар.

Из коридора донёсся голос Максима:

— Сорок три процента.

Я закрыла глаза. Папа всё-таки рассмеялся — негромко и устало, но по-настоящему.

Через несколько секунд входная дверь закрылась. Мама вернулась на кухню и осторожно коснулась моего плеча.

— Тебе сделать чай?

Я собиралась отказаться, сказать, что устала и хочу спать, но вместо этого кивнула. Мама включила чайник, а папа положил ладонь на ноутбук, так и не открыв его. Несколько минут мы просто сидели рядом, пока кухня наполнялась ровным гулом воды.

На экране маминого телефона появилось сообщение. Я успела заметить название другого города и строчку про новый офис. Мама почти сразу перевернула телефон экраном вниз. Папа посмотрел на неё. Она задержала на нём взгляд, но ничего не сказала. Их молчаливый разговор продлился всего пару секунд, однако показался мне странным. Обычно родители не скрывали друг от друга рабочие новости, особенно те, что могли закончиться открытием нового офиса.

Я решила спросить позже. Как и обо всём остальном.

Сняв куртку, я положила её на соседний стул. Имя на подкладке снова оказалось перед глазами.

— Чья она? — спросила мама, поставив передо мной любимую зелёную чашку.

— Уже выясняется.

Мама замерла с чайником в руке.

— Ты хотя бы помнишь владельца?

Я задумалась. Вспомнились громкая музыка, тёплая ладонь на моей спине, мужской голос возле такси и улыбка, которую я тогда сочла достаточно симпатичной, чтобы дать номер телефона. Лицо собиралось медленнее, но всё-таки собиралось.

— В общих чертах.

— Лера.

— Mam, он дал мне куртку, а не почку. Верну.

Она покачала головой, но спорить не стала.

Я обхватила чашку ладонями, чувствуя, как постепенно согреваются пальцы. На столе лежал вырванный Максимом лист.

Под расписанием мелким ровным почерком была записана фраза:

«Если опоздаешь больше чем на пятнадцать минут, кофе покупаешь ты».

Я невольно фыркнула. Максим Савельев, оказывается, умел не только составлять планы и портить настроение.

Взяв папину ручку, я дописала ниже:

«Если я вообще приду, считай это чудом».

Я сложила лист пополам и унесла с собой.

В комнате бросила сумку на кресло, поставила туфли возле шкафа и подключила телефон к зарядке. Экран ожил не сразу. Сначала появился значок почти пустой батареи, потом логотип, а ещё через минуту телефон завибрировал от десятков уведомлений. Несколько сообщений из общего чата. Три пропущенных от мамы. Одно голосовое от Сони, которое я пока не решилась включить.

Я сфотографировала лист с расписанием и отправила Максиму.

Ответ пришёл почти сразу:

«Чудеса не освобождают от кофе».

Я закатила глаза и отложила телефон, но экран снова загорелся. На этот раз пришло сообщение с незнакомого номера:

«Куртка выжила?»

Я посмотрела на чёрную кожу, лежавшую поперёк кресла, и набрала:

«На мне ей лучше».

Три точки появились почти сразу.

«С этим спорить не буду. Когда можно забрать?»

Я провела пальцем по краю телефона.

«Ты уверен, что тебе нужна именно куртка?»

На этот раз он отвечал чуть дольше.

«Теперь уже нет».

Я улыбнулась и сохранила номер Кирилла. Здесь хотя бы всё было понятно.

Вместе с зарядным проводом с верхней полки соскользнула старая тетрадь в потёртой зелёной обложке. Она ударилась о край шкафа и раскрылась на странице с неровными греческими буквами, выведенными фиолетовой ручкой.

Когда-то я знала наизусть происхождение почти каждого бога, спорила с Еленой Сергеевой о том, действительно ли Аид был злодеем, и мечтала увидеть Афины. Потом выяснилось, что в новой компании гораздо проще обсуждать парней, музыку и чужие вечеринки, чем объяснять, почему тебе не всё равно, кто кого проклял три тысячи лет назад.

Я несколько секунд смотрела на страницу, затем захлопнула тетрадь и убрала обратно на полку.

Будильник я поставила на девять сорок пять. До библиотеки было двадцать минут, но при должной мотивации, зелёном свете на всех перекрёстках и полном отсутствии здравого смысла можно было уложиться в пятнадцать.

В библиотеку я всё равно не собиралась.

Но будильник на всякий случай поставила.

Глава 3. Пока только гипотеза

Лера

Проснулась я в 9:42.

Сначала увидела время на экране телефона, потом — подозрительно бодрый утренний свет, а уже после вспомнила всё остальное. Воскресенье. Библиотека. Десять утра. Максим Савельев с его расписанием и условием про кофе.

Будильник, предусмотрительно поставленный на 9:45, ещё не успел сообщить, насколько оптимистично я оцениваю собственные способности.

— Чёрт, — сказала я вслух и резко села.

Голова, к счастью, не болела. Видимо, организм решил, что после ночного семейного совета у него нет морального права добивать меня ещё и похмельем. Зато шея затекла так, будто спала я не в кровати, а в сложенном состоянии где-то между креслом и стеной. Платье я вчера всё-таки сняла, переделась в футболку и мягкие серые брюки, но до выключенного ночника и разобранной сумки дело уже не дошло.

На кресле лежала кожаная куртка Кирилла. На туалетном столике — одна серьга и смятый чек из клуба. Возле шкафа стояли туфли, а на тумбочке обнаружился стакан воды, к которому я так и не прикоснулась.

Всё это выглядело как инсталляция под названием «Утро обязательно разберётся». Утро, судя по времени, отказалось разбираться.

В 9:45 телефон заорал с таким энтузиазмом, будто лично отвечал за мою сессию. Я отключила будильник, открыла шкаф и вытащила первое, что не требовало уюта: тёмно-зелёный тонкий свитер с V-образным вырезом и синие джинсы. На волосы ушло две минуты, на консилер — одна, на поиски второй серьги — ни одной: я решила, что сегодня мир переживёт меня без украшений.

Уже в прихожей натянула ботинки, схватила сумку и вернулась в комнату за курткой. За своей. Чужая и её владелец могли подождать. Сначала мне предстояло заслужить кофе, который я уже проиграла Савельеву.

До библиотеки было двадцать минут пешком, десять на такси и бесконечность, если мама успеет поймать меня в коридоре. Я выбрала такси и спустилась по лестнице раньше, чем в доме начали обсуждать семейный завтрак.

В 10:05, когда я уже захлопывала дверцу машины, телефон завибрировал.

Максим: «Ты жива?»

Я посмотрела на сообщение так, словно Максим был хотя бы частично виноват в моей неспособности пользоваться будильником.

Лера: «Почти. Еду».

Ответ пришёл, когда такси выезжало со двора.

Максим: «Это точная информация или оптимистичный прогноз?»

Лера: «Я уже в такси. Жди».

Максим поставил реакцию в виде галочки. Даже отвечал он так, будто принял у меня отчёт.

В 10:23 я вошла в холл университетской библиотеки, быстро проверила отражение в стеклянной двери и немного замедлилась. Щёки порозовели от спешки, волосы всё-таки растрепались, но в целом я выглядела так, будто задержалась по уважительной причине.

Если не считать отсутствия этой причины.

Максим сидел за дальним столом у высокого окна, спиной к книжным стеллажам. Воскресный свет делал библиотеку почти торжественной: полосы солнца лежали на полу, в воздухе висела пыль, старые лампы под зелёными абажурами отражались в полированных столешни-

цах. В читальном зале было тихо, но не мёртво — кто-то листал страницы, кто-то шептался над конспектами, кто-то осторожно отодвигал стул, будто боялся разбудить книги.

Сегодня на Максиме был светлый свитер поверх белой рубашки, тёмные джинсы и тот же спокойный вид человека, у которого день начался ровно тогда, когда и планировался. Перед ним лежали раскрытый ноутбук, блокнот, стопка распечаток и бумажный стаканчик. Второй стоял возле пустого места напротив.

Я поставила сумку на соседний стул и села.

— Двадцать три минуты, — сказал Максим, не отрываясь от экрана. — Это уже не опоздание, а личный бренд.

— Между прочим, я могла вообще не прийти.

Он поднял взгляд.

— Но пришла.

— Не придавай этому лишнего значения. Мне нужна сессия, квартира и возможность не видеть, как папа оплачивает мою жизнь с выражением «ну и за что нам всё это».

— Значит, мотивация существует.

Я хотела ответить что-нибудь колкое, но заметила второй стакан.

— Это мне?

— Тебе, — ответил Максим, мельком взглянув на второй стакан. — Но кофе за опоздание ты всё равно должна.

— Ты купил мне кофе и теперь требуешь ещё один? — Я придвинула стакан к себе.

— Этот я купил добровольно. Второй ты проиграла, — пояснил он так, будто система не допускала возражений.

Я сняла крышку и сделала глоток. Латте без сахара, с дополнительным шотом.

— Откуда ты знаешь, что я беру?

— Ты полтора года заказываешь одно и то же достаточно громко, чтобы запомнил весь корпус.

Это объяснение звучало гораздо менее загадочно, чем могло бы, и гораздо больше походило на правду.

— Надеюсь, яд ты не добавил.

— Подумал, но твои родители заподозрят меня первым, — отозвался Максим, уже возвращаясь к экрану.

— Какая предусмотрительность.

— Приходится компенсировать твою, — сказал он, поворачивая ко мне ноутбук.

На экране была таблица с вариантами тем, предполагаемыми героями и отдельной колонкой «что можно доказать». Разумеется, Савельев не мог просто составить список. Ему требовалась система, в которой даже сомнения имели собственную ячейку.

— У нас два часа, — сказал он. — Потом у меня смена в корректуре. До этого нужно выбрать тему, собрать предварительные источники и отправить Вере Андреевне заявку на согласование. Проблема, гипотеза, возможные герои и риски.

— Ты расписал это с утра? — спросила я, пролистывая таблицу.

— Ночью.

— У тебя есть личная жизнь?

— Сегодня по расписанию твой академический пожар, — ответил Максим, не отрываясь от экрана.

— Трогательно. Никогда ещё не чувствовала себя настолько похожей на чрезвычайную ситуацию.

Я пересела на соседний стул, чтобы лучше видеть экран, хотя могла просто попросить развернуть ноутбук. Максим без комментариев подвинул его к середине стола, возвращая между нами нормальную дистанцию.

— Я бы и так всё увидела.

— А я — нет, — сказал он. — Ты закрывала половину экрана.

— Мог бы просто попросить меня отодвинуться.

— Я только что это сделал.

Я отпила кофе и посмотрела на варианты: подработка студентов внутри университета, фальшивые волонтерские часы, аренда для иногородних, негласно платные пересдачи, бесплатные стажировки.

Последняя строчка зацепила сразу.

— Вот это, — сказала я, указывая на последнюю строку.

— Бесплатные стажировки? — уточнил Максим.

— Только не в формате «бедные студенты работают бесплатно». Надо понять, где заканчивается обучение и начинается обычная работа, за которую почему-то не платят. Кто на этом экономит, почему обещание опыта заменяет договор и сколько людей годами используют одну и ту же схему.

Максим несколько секунд молчал. Наверняка проверял, есть ли за моей идеей что-то кроме внезапного возмущения.

Я постучала ногтем по краю стакана.

— Твоя стажировка, кстати, тоже бесплатная, — заметила я.

— Да.

— Не смущает расследовать то, на что сам согласился?

Максим перевёл взгляд на строку таблицы.

— Поэтому сначала нужно определить критерии. Одно дело, если стажёра действительно учат, дают работать с редакторами и постепенно усложняют задачи. Другое — если им просто заменяют сотрудника, которому пришлось бы платить.

— То есть выясним, действительно ли «Город» стоит десяти недель твоей жизни.

— Я предпочитаю выяснить это до того, как потрачу их.

Я снова посмотрела на название темы. Теперь она нравилась мне ещё больше.

— У тебя есть конкретный пример? — спросил Максим.

Вообще-то рассказывать об этом я не собиралась. Тем более ему. Но тема слишком точно попала в то, что я давно сложила в дальний ящик вместе с первым студенческим бейджем и уверенностью, что одного старания обязательно хватит.

— На первом курсе я пошла стажироваться в городской лайфстайл-паблик. Без оплаты, конечно. Мне обещали, что через месяц дадут вести рубрику про культурные события. Я ездила на открытия, записывала комментарии, делала короткие тексты. Через три недели мой материал вышел под именем редактора. Когда я спросила, почему, мне объяснили, что стажёр пока не может публиковаться самостоятельно, зато опыт бесценен.

Максим не перебивал.

— Потом выяснилось, что до меня там были ещё две девочки. И после меня, скорее всего, пришёл кто-то следующий. Бесплатные руки, бесплатные идеи и обязательная благодарность за возможность. Очень удобная модель.

— У тебя сохранилась переписка? — спросил Максим, только когда я закончила.

Вопрос был настолько ожидаемо в стиле Савельева, что я усмехнулась.

— Возможно. — Я отвела взгляд к окну. — Старый телефон где-то дома. Но себя главным героем я делать не хочу.

— И не нужно, — ответил он. — Это личная точка входа, а не доказательство системы. Сначала найдём другие случаи, документы и человека, который сможет объяснить правовую сторону.

— Ты умеешь сочувствовать так, чтобы это звучало как техническое задание, — усмехнулась я.

— А ты умеешь рассказывать о неприятном так, будто заранее споришь со всеми, кто может тебе не поверить, — спокойно парировал Максим.

— Это сейчас было заключение специалиста? — спросила я, глядя на него поверх стакана.

— Наблюдение напарника, — поправил Максим. — Тема подходит, но сначала её должна одобрить Вера Андреевна.

— Ненавижу, когда после хорошей идеи появляется взрослый с формой заявки.

— Вера Андреевна узнает, что ты назвала её взрослым, и растрогается, — отозвался он.

Мы начали заполнять заявку. Максим формулировал гипотезу так, будто она предназначалась для суда, я вычёркивала обороты, от которых текст начинал пахнуть кафедрой, и возвращала туда людей. Через десять минут мы уже спорили не ради самого спора, а потому что оба хотели одного и того же материала, просто представляли его по-разному.

— Нужны минимум три истории, — сказал Максим. — Не все обязательно войдут в финальный текст. Один эксперт по трудовому праву. По возможности — бывший сотрудник или работодатель, который согласится объяснить схему.

— И человек, который умеет разговаривать не цитатами из закона, — добавила я.

— Это требование относится к эксперту или ко мне? — Максим поднял на меня взгляд.

— Пока оставляю формулировку открытой, — сказала я.

В голове почти сразу всплыло имя Даши Лапиной. Мы пересекались на университетском интенсиве и потом пару раз виделись на городских съёмках. Она училась на четвёртом курсе и однажды упомянула, что проходила стажировку в «Атласе» дольше, чем собиралась, но денег так и не получила.

Я нашла её контакт.

— Кажется, у нас есть первый человек, — сказала я, разворачивая к нему телефон.

— Пока только контакт, — поправил Максим. — Без её согласия у нас нет ни героя, ни документов.

— Дай мне хотя бы десять секунд почувствовать успех.

— Девять уже прошло, — сообщил Максим, взглянув на часы.

Я показала ему язык и набрала сообщение:

«Даш, привет. Это Лера Вольская, мы пересекались на университетском интенсиве и городских съёмках. Готовим проект о бесплатных студенческих стажировках. Ты как-то упоминала стажировку в Атласе. Можно поговорить? Сначала без записи: обсудим формат и анонимность, ничего без твоего согласия использовать не будем».

Я перечитала текст, исправила одну запятую раньше, чем Максим успел это сделать, и отправила.

— Хорошо сформулировано, — сказал он.

— Ты сейчас меня похвалил?

— Зафиксировал факт, — уточнил Максим.

— То есть похвалил, но завернул в упаковку.

— Не привыкай, — сказал он, возвращаясь к таблице.

Телефон завибрировал почти сразу.

«Привет! Да, помню. Про Атлас расскажу. Их программа Старт оказалась совсем не тем, что обещали. Сегодня после четырёх могу встретиться. Но сначала без записи, ладно?»

— Видишь? Люди любят меня, — гордо сказала я, разворачивая к нему экран.

— Люди отвечают тебе за две минуты, — сказал Максим, прочитав сообщение. — Для проекта это полезнее.

Он внёс имя в таблицу, но в колонке «статус» написал не «герой», а «предварительный контакт». Я демонстративно вздохнула, однако спорить не стала.

Следующие полчаса мы обсуждали, у кого взять комментарий, как сформулировать запрос юристу и почему нельзя строить материал только на эмоциях, даже когда эмоции убедительнее цифр. Я настаивала, что текст должен дышать. Максим отвечал, что сначала ему неплохо бы научиться стоять на ногах. Я говорила, что сухими документами человека не зацепишь. Он напоминал: без документов любой сильный рассказ можно разрушить одним вопросом — *«чем докажете?»*

К моему удивлению, работа не раздражала. У темы были злость, форма и цель. Я любила это чувство — момент, когда чужая история переставала быть случайной жалобой и становилась материалом, способным что-то изменить.

Просто в последнее время слишком редко добиралась до этого момента.

Именно тогда я увидела Соню.

Она шла между стеллажами к стойке выдачи, прижимая к груди два учебника и телефон. Серая толстовка, волосы собраны в низкий хвост, усталое лицо человека, который либо снова кого-то спасал, либо только что объяснял, почему больше этого делать не будет.

Я сразу выпрямилась.

— Что? — тихо спросил Максим.

Я качнула головой в сторону.

— Соня.

Он посмотрел туда, затем снова на меня, но ничего не спросил. Просто развернул ноутбук к себе и занялся таблицей, оставляя решение мне.

Соня пока меня не заметила. Я могла сделать вид, что тоже её не вижу. Могла подойти с привычной полуулыбкой, обнять, отшутиться и сказать что-нибудь вроде: «Ну ты чего, правда обиделась?»

Обычно я бы именно так и поступила. Но после вчерашнего сообщения шутка уже не казалась особенно удачной.

Я открыла наш чат и набрала:

«Я узнала, что ты сменила пару. Наверное, ты права: я опять оставила тебя одну со всей работой. Не знаю, как это нормально исправить. Мне правда жаль».

Перечитала.

Хотелось добавить что-нибудь смешное, чтобы сообщение не выглядело таким голым. Смайлик, шутку про мою безнадёжность или обещание купить ей самый большой кофе в городе. Тогда в случае холодного ответа можно было бы сделать вид, что я не особенно старалась.

Я ничего не добавила и нажала *«отправить»*.

Соня взяла книги, отошла к окну и посмотрела в телефон. Её лицо чуть изменилось — не смягчилось, нет, просто стало менее закрытым. Она не повернулась ко мне и не подошла.

Через минуту пришёл ответ:

«Спасибо, что написала. Но к проекту я не вернусь. Мне нужно время».

Я перечитала сообщение дважды.

Не прощение. И точно не приглашение всё вернуть как было.

— Ответила? — спросил Максим, поднимая глаза от экрана.

— Да. К проекту не вернётся. Говорит, ей нужно время.

— Тогда дай ей время, — сказал он после короткой паузы.

— И всё?

— Ты извинилась. Она ответила честно. Остальное уже не от тебя зависит, — спокойно сказал Максим.

— Ненавижу, когда ты говоришь разумные вещи, — сказала я, глядя вслед Соне.

— Не привыкай, — отозвался он.

Максим вернулся к заявке. Я тоже. Сделать вид, что одного сообщения достаточно, всё равно не получилось бы.

К половине первого у нас были тема, черновик письма Вере Андреевне, предварительный контакт Даши, список вопросов для юриста и два имени, которые ещё нужно было проверить. Максим отправил заявку с университетской почты и поставил напоминание: до согласования темы мы можем собирать предварительную информацию, но не использовать ни цитаты, ни аудиозаписи в материале. Рабочую запись разговора можно сделать только с отдельного согласия героя.

— Ты правда потом идёшь работать? — спросила я.

— Смена начнётся через сорок минут, — ответил Максим, закрывая ноутбук.

— Я всё ещё рассматриваю версию, что ты существуешь исключительно для моих дедлайнов.

— Тогда твоя версия плохо исследована, — заметил он.

Он убрал распечатки в папку и протянул мне лист с нашим планом. Внизу были отдельно выписаны мои задачи: подтвердить встречу с Дашей, подготовить вопросы, проверить старую переписку о собственной стажировке и до трёх часов прислать ему всё одним файлом.

— Во сколько встреча? — спросил он.

— В четыре, в кофейне возле медиакорпуса.

— У меня короткая смена. Освобожусь без двадцати, — сказал Максим, проверяя время на телефоне. — Встретимся у входа в без десяти.

— После ночи без сна и смены ты всё равно придёшь?

— Это наш проект, — ответил он так, словно другого варианта не существовало.

— Надо же. Я почти услышала энтузиазм.

— Не льсти себе, Вольская, — отозвался Максим.

— Поздно. Это моя базовая настройка, — сказала я, забирая лист с планом.

Максим закинул рюкзак на плечо.

— И подготовь вопросы до трёх. Одним файлом, — напомнил он.

— Вот теперь я снова слышу Савельева.

— В четыре, Вольская.

— В без десяти, — поправила я. — Некоторые из нас умеют соблюдать договорённости.

Максим посмотрел на часы.

— Пока это только гипотеза, — сказал он.

Он ушёл между стеллажами, не обернувшись.

Нормальный финал обычной рабочей встречи.

Я сложила лист с задачами и убрала во внутренний карман сумки. Исключительно потому, что выбрасывать рабочий план до окончания проекта было непрофессионально.

Наверное.

До четырёх оставалось чуть больше трёх часов. На телефоне уже висело новое сообщение от Даши с адресом кофейни, а передо мной лежал список вопросов, который хотелось сделать лучше, а не просто закончить.

Впервые за долгое время мне хотелось прийти раньше де

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.